

Родная речь

Чтобы не превратиться в Маугли

«Границы моего языка означают границы моего мира». *Людвиг Витгенштейн*

«Мы на ём разговариваем»... Эта шуточная фраза была сказана когда-то Инной Моисеевной Поляковой в часы долгих бесед. Мы говорили о жизни, о богатстве и красоте русского языка, о проблемах и научных поисках, о глубинных корнях и сегодняшнем компьютерном новоязе. Ведь Инна Моисеевна была в Магнитогорске ведущим специалистом, непревзойденным гуру в области русской филологии. Недавно она ушла из жизни. Не стало этой чудесной, остроумной, царственной, особенной женщины – и мир потускнел.

К счастью, сохранились наши совместные статьи, с помощью которых одно время пытались достучаться до осознания земляками всего величия, многообразия, красоты и звучности родного языка. Лет пятнадцать назад, работая в «Магнитогорском рабочем», я ведала вопросами культуры и образования, готовила тематические страницы. И вот, в канун 2007 года, который был объявлен Годом русского языка, загорелась желанием создать некий «просветительский продукт», дабы рассказывать о русском языке не правилами и параграфами, не сводить всё к компанейщине и разовым «откликам», а представить что-то понятное, нужное. Спасибо тому, кто посоветовал обратиться к Инне Моисеевне Поляковой, сказав, что никто в Магнитогорске не знает родной речи лучше неё, никто так грамотно, доходчиво и эмоционально не поведает о языковых тонкостях и особенностях, никто не раздвинет так мощно и наглядно границы нашего представления о языке. Стали работать вместе, и в одном из первых выпусков тематической страницы Инна Моисеевна обратилась к читателям, напомнив строки Анны Ахматовой: «Мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово...» И дальше шли её размышления: «Увы, не только не сохраняем, но и уничтожаем. А ведь многие магнитогорцы всей душой болеют, слыша неверно употреблённое слово, безграмотный речевой оборот, бесконечное и неистребимое «как бы»... И потом натываемся на такой дикий казус, недавно прозвучавший с экрана телевизора: «Депутаты приняли важное решение, которое способствует улучшению указанных недостатков».

Мы вели изумительные встречи-беседы, в которых я, немногим младше Инны Моисеевны, постоянно ощущала себя дотошной студенткой, а то и вымогательницей безбрежных сокровищ её памяти. Посудите сами. Мы придумали страницу, назвав её «Великий, могучий», предпослали рубрику «Беседы о главном» и стали будоражить читателей выкладками об истории появления того или иного слова, о смысле и разгадке правописания, давали сложные задания читателям – пусть ищут, думают. Например, первый тест был такой: определить, как надо сказать фразу: «Многим в свете поведение Лермонтова показалось нестерпимым». Или: «Всего два года назад он занял трон президента». В первом выпуске мы предложили поставить правильные ударения в словах «Избаловать, приданое, путепровод, соболезнование, каучук, склады, торты, понял, договор, диспансер». И задали вопрос – как правильно

сказать: «слесари (я), инженеры (а), кварталы (а), кремы (а), редакторы (а), директора (а). И в чём разница между словами «пожарный» и «пожарник»?

То есть мы сразу и всерьёз решили заняться общегородским ликбезом, понимая, однако, что это может оказаться пшиком, не ляжет на душу читателя. Как бы не так!

«Страница грамотности» стала востребованной, нас забрасывали ответами, вопросами, а потом даже снабжали доморощенными литературно-языковедческими исследованиями. Стало понятно: читатели наши активны, интересуются языком всерьёз, любят его и ценят нашу затею. Во всяком случае, обратная связь была очень живой, интенсивной, ни одна газетная статья тех времён не вызывала такой реакции, не приносила столько писем и телефонных звонков, как наши выпуски. Например, Зинаида Михайловна Степанова сетовала: «Все каналы пестрят наивными, глупыми, пошлыми передачами. Отсюда и падение внимания к русскому языку. Спасать нужно людей, возрождать Россию, иначе превратимся в Маугли». В письме Анатолия Новлянского были строки, созвучные вышеназванным: «За последние годы русский язык превращается в неблагозвучную смесь нецензурной брани, бандитского жаргона, искажённых «американизмов» и безграмотно употребляемых русских слов («круто», «прикольно», «в натуре»). Сейчас не услышишь сочетания «в жизни», а почему-то лишь «по жизни», не «волнующий», а «волнительный», глагол «прикинь» превращается в слово-связку. Ладно бы присылали гневные или ироничные свидетельства безграмотности, безразличия к языку – мы стали получать стихотворные строки и даже частушки! Например, Александр Гардашников подготовил целую серию смешных и поучительных куплетов. Например, такой: «Масло стали продавать «Золотая семечка», надо всем теперь признать, что дурная времечка. Род, падеж нам ни к чему – говорим как хочется, а не ндравится кому – пусть, блин, перетопчется!»

Но, как говорится, счастье было недолгим: руководству газеты не глянулась тема, не взволновала проблема, мы весь год будоражили читателей, учили их языку, правильной речи, любви к истории, но «Великий и могучий» стал «неформатом», тема была исчерпана и благополучно сложилась.

А мы с Инной Моисеевной продолжали видаться, разговаривать, были на нескольких встречах с читателями, а потом я просто уговарила издававшийся тогда журнал «Западно-восточный альянс» опубликовать одну из наших долгих бесед. Опять же, поводом стал ошеломляющий ответ газеты «Коммерсантъ», которая выдала матерную фразу по поводу развернувшейся в стране полемики, связанной с вопросом – а действительно ли всё у нас так плохо с грамотной, красивой речью?

Так вот, память наших предков, каждая страница нашей истории – это как раз об Инне Моисеевне Поляковой, профессоре кафедры русского языка МаГУ, заслуженном работнике высшей школы России. Вся её жизнь – это подтверждение

неразрывной связи с богатством и глубинными корнями родного языка, русской образной речью, с людьми – хранителями этих богатств. Привожу дословно её захватывающий рассказ о времени, своём роде-племени, о Магнитке и, конечно же, о языке...

– Так уж совпало, что ММК и МаГУ ровесники. Я работаю в университете уже 45 лет, и можете себе представить, моя жизнь непосредственно связана с комбинатом. Во-первых, благодаря ММК я и родилась, поскольку родители приехали сюда в 1934 году. Во-вторых, отец, механик из Астрахани, проработал на комбинате более 40 лет. В-третьих, муж, инженер-прокатчик, долгие годы работал во 2-м, 3-м и 8-м ЛПЦ – тоже более 40 лет. И, наконец, я стала кандидатом филологических наук благодаря нашему славному ММК. Тема моей диссертации «Профессиональная разговорная речь металлургов»...

Тут уж я не удержалась и с издёвкой спросила: «Не хотите ли сказать, что подслушивали их разговоры, и они всегда были, мягко говоря, литературно гладкими?»

– Нет, нет, это, конечно же, не мат! Это великолепный, яркий, образный, необыкновенно выразительный русский язык. В течение многих лет у меня был постоянный пропуск на комбинат; кроме сбора материала по теме, я ещё проводила многочисленные конференции и диспуты в цехах. Обсуждали все новинки литературы, за что очень благодарна библиотеке ММК. В цехах комбината я делала свои записи, проводила анкетирование и не переставала поражаться образности профессиональной речи металлургов. Послушайте, как называются различные дефекты в прокатном производстве: «лампас» – дефект, возникающий при прокатке листового металла за счёт разнотолщинности листа; «корыто» – вмятина посреди полосы металла, возникающая из-за большой выпуклости средней части бочки валка; «лысина» – поверхность металла, не

покрытая оловом при лужении; «птичка» – вдавливание внутри рулона, возникающая при сильной натянутости полосы на моталке. А есть ещё «рябчик», «скворечник», «улитка» и масса других знакомых и родных слов, которые металлурги употребляют совершенно особенно. И даже сама матушка-домна – как красавица русская, у неё есть «коромысла» и «серьги», «свечи» и «подсвечники».

Есть в металлургии и «штаны», и «сало», и «лапша» с «соломой», и такое форменное безобразие, как «козёл», и бедная печь (а по-любовному «печка») может, к большому несчастью, и «закосплиться»

Изучая речь металлургов, я поняла, как же мудр наш народ, как он умеет в хорошо знакомое, обыденное слово вложить новый и свежий смысл, дать самому обычному бытовому слову новую жизнь.

– Но в те времена, когда вы работали над кандидатской, и интерес к чтению, к книге был больше.

– Да, помню, на комбинате действовали передвижные библиотеки: в основной формировался заказ, то есть, рабочие просили ту или иную книгу, журнал, а библиотекари-книгоноши приносили их в цехи, рабочие между сме-

нами брали, тут же читали газеты, журналы, тут же обменивались мнениями, узнавали что-то о новинках.

– А сейчас в рекламе на наших местных каналах читаю о магазине стройматериалов, который находится на улице Доменщиков...

– Да, вы правы, но всё-таки ни о какой гибели языка не может быть и речи. Пока живут такие люди – умные, сметливые, рукастые, а их в народе неизмеримо больше, будет жить и набираться новых сил наш великий и могучий, правдивый и свободный русский язык...

Конечно, хотелось бы закончить воспоминания на такой многообещающе-мажорной ноте, но со времени наших с Инной Моисеевной «посиделок» прошло немало лет, а с языком, прямо скажем, творится неладное. Почему во все колокола звонят школьные учителя, почему хватаются за голову преподаватели на приёмных экзаменах, почему все в один голос проклинают идею внедрения ЕГЭ, почему тысячи нелюбимостей раздаются в адрес навороченных гаджетов! Инна Моисеевна видела и переживала всю эту вакханалию, пыталась деликатно, умно и иронично объяснить формирование новояза, мол, прогресс, эволюция, процесс не стоит на месте, но язык – мощный, цельный, многовековой – выдержит всё и, очищенный, засверкает миллионами граней. Я тысячу раз согласна с чудеснейшей учительницей и призываю от её имени: ну не говорите, пожалуйста, такое слово, как «садить» – нет такого глагола в русском языке, а мы всё садим картошку, детей на горшок, пассажиров в вагоны; нет слова «айда» – есть «поехали», «пойдём». Нет этих пресловутых «мороженка», «пироженка», нет слова «типа» – есть «вроде», «наподобие». Как говорила Инна Моисеевна: «Откроет человек рот – и понятно, кто он, какова степень его развития, уровень интеллекта».

Элла Гогелиани

Инна Полякова